

Гинтарас
Береснявичюс

СЕМЕЙСТВО КАУКОВ

Художник Лина Дудайте

СЕМЕЙСТВО КАУКОВ

МИР ДЕТСТВА МЕДИА

Москва, 2011

Gintaras Beresnevičius

Lina Dūdaite

KAUKŲ ŠEIMYNĖLĖ

Nieko Rimto

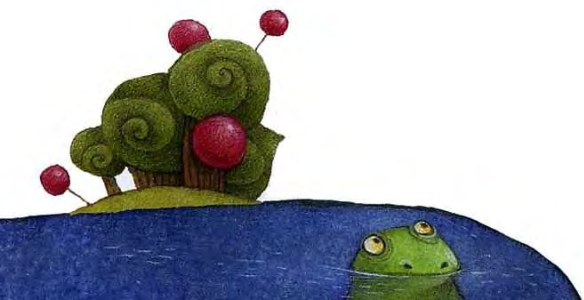
Гинтарас Береснявичюс (текст)

Лина Дудайте (иллюстрации)

СЕМЕЙСТВО КАУКОВ

Перевод с литовского Александры Васильковой

КАУЧАТА И БУКА

Каучата ленятся

Лето выдалось какое-то особенно жаркое, семья кауков не знала, куда деться от зноя, — и это в Лесу, где всегда царит прохлада! Здесь хотя бы солнце в глаза не било, листья защищали от его слепящих лучей, но духота стояла страшная. Воздух до того сгустился, что казалось, будто и не дышишь вовсе, а просто глотаешь кусками эту липкую духоту.

— Я так и подавиться могу, — пожаловался Волчок сестре.

— И я, — слабым голоском отозвалась Юла. — Мне кажется, воздух превратился в мох, и вкус у него точно такой же. Может, это даже и хорошо — есть совсем не хочется, воздухом сыта по горло, живот набит, и мха как будто полный рот. Зато в такую жару не растолстеешь.

Волчок тоже не сказать чтобы сильно проголодался, но его это не радовало: он вообще-то с удовольствием бы сейчас чем-нибудь закусил.

— Но ведь каукам
полагается быть круг-
ленькими, — заметил
Волчок. — Вот погляди,
какой я обтекаемый, с та-
кой фигурой намного легче плыть
или идти против ветра.

— Да что ты понимаешь, — отрезала Юла, но,
подумав, согласилась: — Хотя насчет плавания ты вер-
но сказал.

Каучата лежали в тени огромного дуба, да только
никакой ощутимой пользы от этой тени не было. «Ин-
тересно, почему польза должна быть ощутимая?» — по-
думал Волчок, который изредка любил поразмышлять.
Думать интересно, потому что всегда до чего-нибудь такого
додумаешься. Чаще всего — до чего-нибудь странного,
но ведь что-нибудь такое всегда бывает немного
странным. «Интересно, почему? — рассуждал Вол-
чок. — Думаешь-то головой, в голове живёт ум,
а он — разумный. Так откуда же в нём
берутся глупости?»

Так много думать было утомительно, да и от жары дети совсем разомлели, хотя и валялись в тени огромного дуба, у самого дома. Даже лежать было трудно, а уж куда-нибудь дальше тащиться — на это точно сил бы не хватало. Слышно было, как папа что-то мастерит, из кухни пахло едой — мама варила клёцки, но есть детям не хотелось, а сходить посмотреть, что это папа там делает, не было сил.

Вот они и лежали да мечтали, как хорошо было бы сползть к реке, но до неё так далеко... Может, целый километр... А как этот километр проползёшь, когда так припекает?.. Для начала надо ещё сесть, потом встать...

«Ничего не выйдет, — обречённо думал Волчок. — Ничего у нас не получится».

И вдруг ему стало жаль себя. Лежит он в этом пекле, есть не хочется, думать слишком душно, вот бы кто-нибудь взял да и погнал его к реке... Да нет, разве от них дождёшься... Волчок впал в отчаяние.

Хорошо, что у него есть сестра — как все каучихи и каучонки, всегда что-нибудь вовремя придумает.

Вот и сейчас.

— Слушай, Волчок, — сказала она. — У нас ведь есть

большущая посудина, не забыл? Ну, та, в которой что хочешь поместится.

И правда, имелась у семейства кауков громадная деревянная посудина, в которой мама стирала, когда у неё была большая стирка, а зимой в ней держали яблоки. Эту огромную посудину выдолбили когда-то давным-давно из поваленного бурей толстенного, высоченного дуба, второго такого во всём Лесу не найдёшь. Так вот, папа выдолбил из ствола посудину, которая заменяла и кадку, и ванную, и прачечную. Если хочешь, можешь называть эту штуку и корытом, ей всё равно. Волчок понял мысль сестры.

— Да, она бы нас спасла! Но кто её сюда приволочёт? И кто натаскает воды из колодца?

— Мы с тобой, — бодро откликнулась Юла.

— Но я совсем сварился, еле живой, — заныл брат. — А стану черпать из колодца ледяную воду — так и простудиться недолго. — Волчок чуть не расплакался от жалости к себе. — Может, я лучше полежу себе спокойно в тенёчке и посмотрю, как ты тащишь корыто, как наполняешь его водой. А если понадобится — помогу тебе ценными советами, поверь, у меня их немало накопилось.

— Если ты и дальше будешь вот так валяться — точно перегреешься, а это куда хуже, чем простудиться. Да я одна и не потащу это корыто. А папе с мамой мешать не хочу.

Волчок подумал-подумал и понял, что перегреться и впрямь хуже, чем подхватить насморк. Скуля, подвывая, охая и вздыхая, он кое-как сел. До чего же трудно... И голова закружилась от долгого лежания. «Может, я перегрелся?» — встревожился он. И даже испугался. А мучениям конца-краю не видно. Надо ещё встать, не переставая при этом ныть, причитать, хныкать и бубнить, чтобы сестра видела, как ему тяжело.

Пока Волчок строил планы, как увильнуть от изнурительного труда, сестра куда-то подевалась. «Ну вот, — обрадовался он, — поняла, как мне трудно, и решила сама притащить большое корыто... есть в Лесу справедливость...»

Чудище-страшилище

Ух! Плюх! Бултых! Волчок с криком подскочил и затряс лапками, словно исполнял танец какого-то неведомого племени. Ещё бы ему не подскочить — сестра, зачерпнув из колодца ведро воды, незаметно подкралась к нему сзади и окатила ледяным ливнем.

Волчок тут же продрог насквозь и немедленно бросился к корыту. И правда тяжёлое, дети вдвоём еле его дотащили, чуть не лопнули от натуги. Теперь оставалось только воды на-таскать, и Волчок опять начал увиливать: сестра, мол, с такой работой куда лучше справляется, он ведь такой неуклюжий, только обольётся. Все мальчики немного неуклюжие — в этом и кроется их обаяние. Ну, такое своеобразное. Достаточно скромное.

И что же вы думаете? Едва каучата подошли к колодцу, едва успели заглянуть в чёрную глубину — а оттуда как выпрыгнет что-то жуткое, прозрачное, наводящее ужас! Дети до того перепугались, что даже ведро выронили, и Волчок принялся освободившимися руками изо всех сил размахивать, а Юла руками махать не стала, чтобы не измять свой хорошенький

бантик, зато так громко завопила, что страшилище, присев на сруб колодца, заткнуло уши.

— Вот тебе на, — сказало чудище, — не успел вылезти к детям, и сразу нервное потрясение. Нет, я так больше работать не могу... Я старый, опытный Бука, привык детей пугать, а не сам их пугаться.

Дети наконец сообразили, что к чему. Ну да, конечно, это Бука. Родители им давно объяснили, что, если дети одни, без взрослых, пойдут к колодцу, оттуда выскочит Бука — такое чудище-страшилище — и как начнёт их пугать, как начнёт!

Правду сказать, не очень-то дети этого Буки испугались — подумаешь, приключение! Не первое такое у них. А кроме того, в Лесу если кто с кем шутку порой и сыграет, то всерьёз никто никого обидеть не может. Тем более — никого из старейших лесных жителей. А кауки как раз и считались старейшими из старейших, и каучата, разумеется, тоже.

Бука, пригорюнившись, сидел на срубе колодца. Теперь каучата

смогли получше его разглядеть: длинные зелёные мокрые и спутанные волосы, зеленоватая бородка и огромные глазницы, из-за которых он походил на лягушку-переростка, явно его не красили. Но что поделаешь — такой уж он, Бука, он ведь в колодце живёт, разве станешь там причёсываться и вообще за собой следить? Да и потом, зачем прихорашиваться, если твоё предназначение — пугать.

Бука был ужасен, но его стоило пожалеть. На каучат, много повидавших и испытавших, он не произвёл такого впечатления, какое, может, произвёл бы на бездуков или барздуков.

Юла решила Буку угостить. Сбегала на кухню и вернулась с целой миской клёцок. Бедняжка даже прослезился, не в силах поверить, что это для него, однако, не мешкая, набросился на еду.

— Давно так сказочно не пировал, — не то похвастался, не то пожаловался Бука, уплетая клёцки за обе щеки.

— А тебе обязательно надо кого-нибудь пугать? — спросила Юла.

Она девочка добрая и всегда готова всем помогать.

— Если хочешь, мы тебе подсобим, — предложил Волчок.

Он, конечно, тоже всегда готов был помочь, но ещё больше жаждал приключений.

— Так ведь, в кауковом колодце сидючи, никого не напугаешь, — запричитал Бука. — Истинный позор для всего букина рода. Мы только и делаем, что сидим в колодцах и ждём, пока какой-нибудь малыш поближе подойдёт. Но малыши у кауков не такие уж трусишки. Что мне остаётся?.. Ночами стараюсь Луну напугать, как взвою из колодца страшным голосом — а ей хоть бы что. Висит себе, и всё тут, словно меня и нету.

— А-а, так это ты, оказывается, по ночам воешь! — воскликнула Юла.

— Только в новолуние, — смущённо признался Бука. — Вообще-то мне по душе великие дела. Подумаешь, Луна! Она, чего доброго, меня и не слышит, очень уж высоко висит.

Бука пугает Лес

Каучата призадумались, и обоим одновременно пришла в голову очень интересная мысль.

— А что, если мы тебя вывезем в Лес? — предложил Волчок. — Там тебя ещё никто не видел. Если очень

постараешься, может, кого и напугаешь. Ну, бездука какого-нибудь там с веткой сирени за ухом... уже кое-что.

— Думаете, получится? — разволновался Бука, но тут же снова приуныл. — Но я же не могу, в самом деле не могу ни на шаг от колодца отойти. Мне необходима вода, без неё я засохну, зачахну и захирею и не смогу страшно завывать.

Юла, у которой в голове постоянно варилась уйма всяких затей, тут же сообразила:

— Да ведь у нас есть очень неплохое корыто. Налъём в него воды из колодца, Бука опустит туда лапы — и пусть себе орёт на весь Лес, сколько душе угодно.

— И кто же станет таскать Буку в этом корыте? — с кислым видом осведомился Волчок. — Я, что ли?

— Я тебе помогу, — пообещала Юла, — а если пригорок какой попадётся на пути, так Бука и сам впряжётся.

— Конечно, я подтолкну! — тот от радости даже в ладоши захлопал. — Как только опущу ноги в колодезную воду, сразу почувствую себя как дома, то есть как в колодце.

А когда я в колодце — я способен на всякие шутки, глупости и бесчинства.

— Вот это мне нравится! — обрадовался Волчок — бесчинства, глупости и шутки он и сам очень любил.

Дети приладили к корыту полозья, отодрав их от старых санок, найденных в кладовке, и наполнили его колодезной водой. Бука, не мешкая, устроился в корыте. Родителям к этому времени уже обо всём рассказали, и папа, опасаясь, как бы Бука не перегрелся, выдал ему простыню и велел постоянно её смачивать, а мама вручила горшочек с клёцками, потому что в пути все трое могли быстро проголодаться.

— Вперёд! — крикнул Бука каучатам. — Отправляемся на поиски приключений!

— Чего это он нас понукает? — прошипел Волчок. — Мы что — лошади?

Экипаж тронулся с места. Каучата тащили корыто, а Бука, скалясь до ушей, брызгался водой и уплетал клёцки.

— С такими удобствами я ещё никогда не путешествовал! — радовался он.

И тут они встретили бездука — он как раз вышел поискать подходящий ивовый прутик, чтобы вырезать себе свисток. Бука только увидел малыша — и давай свистеть, вопить,

гудеть, приставив лапы ко рту, и ушами шевелить. А бездук как завизжит от ужаса — и бежать со всех ног! И вскоре пропал в чаще Леса — только его и видели. Бука так и раздулся от гордости:

— Вот какой я могучий! — закричал он. — Меня даже боро-
даты бездуки боятся, самые грозные твари во всём Лесу!

Каучата, понятно, не стали объяснять Буке, что этому пуг-
ливому бездуку всего-то триста лет от роду, и в Лесу его ещё
считают малюткой — такого и раскормленный заяц может
напугать.

Волчок и Юла, надрываясь, тащили корыто, с носов у них ручьями лился пот, а Бука продолжал бесчинствовать — ревел грозные букины песни, орал во всю мощь лёгких.

— Вот где настоящее букино веселье! — радовался он, шлёпая лапами по воде.

— Послушай, — шепнул сестре Волчок, — а может, сведём его с озёрными ведьмами? Они, кажется, ему доводятся дальней роднёй, вот пусть сами с ним и возятся.

— Это было бы очень некрасиво, — подумав, ответила Юла. — Он ведь наш Бука. И мы за него в ответе.

— Ну, ладно, так и быть, — нехотя согласился Волчок.

Разбушевавшийся Бука тем временем завывал и вращал глазами. Белочки от испуга лишались чувств и валялись на землю с еловых веток, а недовольные бобры, булькая, прятались на дне прудов.

— Мы сеём в Лесу ужас и панику, — вздохнула Юла.

Брату ничего не оставалось, кроме как с ней согласиться. Однако никуда не денешься — сами вызвались.

Вдруг Бука замолк. Прислушался.

— Что это? — боязливо прошептал он.

Далеко-далеко в лесу заухал филин.

— Неуютно делается, — прошелестел Бука, съёжившись в корыте.

Внезапно из кустов выскочил здоровенный заяц.

— Смотрите, чудовище! — заголосил Бука. — Уши, уши-то у него какие!

«На свои посмотри», — хотел было съязвить Волчок, но из вежливости промолчал.

— Что за страшилища водятся у вас в Лесу! — заскулил объятый ужасом Бука, расплёскивая грязную воду. — Куда вы меня затащили? — голосил, рыдая, склизкий путешественник. — Спасайся, кто может, то есть меня, меня спасай, кто может! Заяц с рогами... ну и страхолюдина... сердце от страха чуть не разорвалось!

— Так что, не нравится тебе гулять? — с притворным равнодушием спросил Волчок.

— Назад, скорее везите меня назад! — закричал Бука. — Домой хочу, в свой колодец, там так безопасно, так уютно, и никаких лесных пугал!

— Нервы у тебя слабые, — заметила Юла.

— Пугать — моё единственное развлечение, — сердито

ответил Бука. — А вот бояться... Бояться куда страшнее, чем пугать самому... сейчас же тащите меня назад...

И каучата под палящим солнцем поволокли корыто с колодезным жителем назад, а Бука то и дело их понукал и всю дорогу не переставал ужасаться.

— Что за уши... — бубнил он. — И голоса, что за голоса такие... А в колодце-то так спокойно, такая тишина... разве только лягушка какая — шлёп-шлёп...

Наконец дети дотащили Буку до дома. Почуввав, что колодец близко, он сразу ожил и принялся хвастаться своими приключениями в Лесу. Как Страшенный Заяц его чуть было не растоптал... Как Филин едва до смерти не заухал...

А потом Бука плюхнулся в колодец — только круги по воде пошли.

— Ну как, понравилась тебе прогулка? — вежливо осведомилась Юла.

— Приключениями доволен? — поинтересовался Волчок.

Но в глубине колодца только круги расходились. И никакого ответа.

— Будем считать, что путешествие удалось отчасти, — решили каучата.

ПОДАРОК НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Юле так хотелось, чтобы у неё была хоть какая-нибудь домашняя зверушка! Любая, лишь бы поменьше неё самой, и чтобы ласковая была, прыгала вокруг, тёрлась головой, руки лизала. Хотелось о ком-нибудь заботиться и с кем-нибудь дружить. Зверушка твоя, сказал папа, скорее всего, будет считать себя твоей хозяйкой и захочет, чтобы ты сама вокруг неё прыгала, ластилась и угождала. А Юла заявила, что таких штук не потерпит, у неё характер твёрдый, и пусть только зверушка попробует не послушаться — её мигом поставят в угол и лишат сладкого. Любая зверушка сразу поймёт, что с Юлой шутки плохи, и тут же исправится.

Маме зверушка была ни к чему: она, сказала мама, всё здесь вверх дном перевернёт, загадит и попортит, разорит чистое, уютное гнёздышко кауков.

Тогда Юла поклялась родителям тут же убирать всё, что её зверушка разбрасает, хотя вообще-то она будет очень хорошая и аккуратная, сама станет подметать, а девочка будет её купать, кормить и присматривать за ней.

День рождения приближался. Юла хвостиком ходила за мамой и папой, не прекращая ныть, а потом и брата подговорила выпрашивать у родителей зверушку.

И родители сдались. Утром в свой день рождения Юла нашла под кроватью красивую коробочку с дырочками. Она мгновенно догадалась, зачем в ней дырочки, и тут же с радостным визгом (все девчонки-каучонки оглушительно визжат, когда радуются) выволокла коробку из-под кровати, поставила посреди детской и дрожащими лапками открыла.

А там, на дне, выстланном мхом, спал, свернувшись клубочком, беленький-белёхонький, мягонький, пушистенький, ну, до чего же миленький зверёк! Юла мигом скатилась вниз, расцеловала родителей — и снова помчалась в детскую смотреть, кого же это она получила в подарок.

Попрыгунчика она получила — вот кого! Это было видно с первого взгляда. И выглядел он как Попрыгунчик, и на коробке было написано: «Попрыгунчик», а не что-нибудь другое.

— Это порода такая? — спросил всё ещё сидевший на постели Волчок. — Или его так зовут? Не похож он ни на одно известное мне домашнее животное. Сразу видно: это не котёнок, не щенок, не черепашка и не попугай.

— Да что ты понимаешь, — отрезала сестра. — Это Попрыгунчик. Просто Попрыгунчик.

На самом деле она толком не знала, какой породы этот зверёк, но видно же было, что это Попрыгунчик. И что он мягкий, пушистый и ужасно милый.

— Давай назовём его Болтунчик, — предложил Волчок. — Тогда он будет попрыгунчик по имени Болтунчик. Распространённое попрыгунчиковое имя. Или пусть Болтунчик будет имя, а Попрыгунчик — фамилия.

— Нет, он Попрыгунчик, и хватит болтать! Попрыгунчик породы попрыгунчик! Может, он в мире один-единственный...

Юле наконец удалось разбудить Попрыгунчика. Он потянулся, открыл заспанные глазки и поглядел на Юлу. Только недолго он оставался сонным — подпрыгнул, как настоящий попрыгунчик, вскочил Юле на плечо, прижался к ней и захныкал. Именно захныкал, все попрыгунчики хнычут, как все кошки мяукают. Но вы себе не представляете, как он скачет!

Тут никто с Попрыгунчиком не сравнится. Едва успев поздороваться с Юлой, он заскакал: с полки — Волчку на плечо, с плеча — на шкафчик, оттуда — на дверную ручку, с неё — на кровать Юлы, а с кровати — на висевшую под потолком керосиновую лампу. И всё это — в полтора мига! Попрыгунчик скакал так быстро, что каучата не успевали за ним уследить — видели только мелькающий белый комочек.

Зато дела Попрыгунчика были очень заметны. Он разворошил обе постели, опрокинул ночник Юлы, свалил книги Волчка и, не дав ему их собрать, влетел в шкафчик, где Волчок хранил свои богатства — стеклянные шарики, открытки и шахматы, — и всё разбросал по полу. Но и этого ему было мало: под громкие вопли рассерженного Волчка он ещё успел раскидать все аккуратно

сложенные одёжки его сестры. Юла кричать не стала, но уже начала подумывать, что напрасно завела эту зверушку. А Попрыгунчик всё не унимался.

— Может, надо вынести его отсюда? — вежливо поинтересовался Волчок. — Может, это такое домашнее животное, которому нравится жить во дворе?

— Очень может быть, — грустно ответила Юла. — Бывают ведь и такие домашние животные. Дворовые.

С большим трудом дети в конце концов его изловили, да только зря старались — Попрыгунчик, вывернувшись из умело расставленной каучатами ловушки, выскочил в окно.

Дети следом за ним выбежали во двор — а он уже сидел на верхушке яблони. Сгрыз несколько яблок и перелетел на дуб, а покрутившись там, спрыгнул на землю, перекусил грибом, заел его жёлудями, взлетел на сложенную папой поленницу — само собой, очень аккуратно сложенную, — и вскоре вместо поленницы на земле валялась куча дров. Затем Попрыгунчик помчался в огород, где выкопал всё, что можно было выкопать, и даже больше того, слопал несколько репок и горсть редиски, потом несколько раз перекувырнулся в воз-

духе. А дальше... дальше каучата притащили хорошенькую корзинку с крышкой и принялись подманивать Попрыгунчика сладостями. Не пожалели корзинки, хотя в неё можно было складывать что угодно. И только заманив туда Попрыгунчика, дети вздохнули с облегчением.

— Вот это Попрыгунчик! — восторженно проговорил Волчок. — Но, может, ему лучше будет в Лесу?

Юла только грустно вздохнула.

— А я-то хотела его познакомить со своими куклами... бантик ему завязать... поселить в хорошенькой коробочке... с окошками и занавесочками...

— Попрыгунчики бантиков не носят, — с важным видом объяснил Волчок. — Да и пока ты его изловишь, бантик будет весь мятый и жёванный.

— Может, лучше попугая заведём? — размечталась Юла.

Дети выпустили Попрыгунчика в самой чаще Леса, а там, взглянув на них, он вдруг спросил на языке кауков и барздуков:

— Ну что, дети, приелся вам Попрыгунчик?

— Скорее уж ты нас заел, — поправил Волчок, осматривая свои довольно сильно искусанные лапы.

— Мне нравится беситься на деревьях, — сказал Попрыгунчик. — Я не домашнее животное. Скорее — вольная птица.

— А что ты вообще за существо? — спросила Юла, чувствуя, что Попрыгунчик собирается с ними расстаться и что так для всех, видимо, будет лучше всего.

— Я Попрыгунчик, самый обыкновенный Попрыгунчик, — отрезал Попрыгунчик. — И не хочу быть домашним животным. И никто не хочет. По крайней мере никто из нас, из Попрыгунчиков.

— Но ведь ты говорящий Попрыгунчик? — удивилась Юла, хотя после всего, что произошло, удивляться было уже нечему. Ей было немного жаль, что не удалось подружиться с этим Попрыгунчиком... но дома держать его нельзя.

— Вы можете навещать меня в Лесу...

— Тогда ты не будешь домашним животным, а мне так хотелось зверушку, — Юла загрустила.

— А ты считай меня домашним животным, которое живёт в Лесу, — предложил Попрыгунчик. — Рад буду снова с тобой повидаться. Но я не хочу быть настоящим домашним животным, потому что я свободен. Как и вы.

Они попрощались. Юла растрогалась и даже всплакнула. Но совсем чуть-чуть. Она уже поняла, что Попрыгунчик и в самом деле лесной зверь, хотя ни к одному лесному роду и не принадлежит.

— Слушай, Попрыгунчик, ну хоть теперь скажи, кто ты такой, — попросила Юла. — Какая-нибудь помесь зайца с котёнком, морским коньком и одуванчиком?

— Да нет же, — добросовестно разъяснил Попрыгунчик. — Я просто Попрыгунчик, и всё.

Они ещё раз простились, договорившись навещать друг друга, хотя Волчок подумал, что лучше им встречаться в Лесу, чем дома у кауков или в детской комнате, которую теперь придётся долго и скучно убирать. Попрыгунчик словно прочитал его мысли.

— Конечно, мы будем встречаться в Лесу, — решил Попрыгунчик. — Это самое лучшее место, в кауковом доме мне негде развернуться. Кроме того, я не люблю, чтобы меня гладили, и с куклами мне играть не нравится. Я Попрыгунчик.

— Ну, ещё увидимся, — грустно проговорили расчувствовавшиеся каучата.

— Конечно, — ответил Попрыгунчик.

И дети побрели домой по мелколесью. Настроение было никакое.

— Это не простой Попрыгунчик, а волшебный. Такие тоже встречаются, особенно в Лесу, — утешила себя и брата Юла.

Что мог Волчок к этому прибавить?

АЙТВАРАС ПРИЛЁТЕЛ ПОГОСТИТЬ

Мама очень любит порядок и уют, и Волчка это слегка раздражает. В доме, видите ли, не должно быть ни пылинки. Но пылинки ведь не виноваты, что везде летают, они для того и созданы, чтобы мельтешить в воздухе или ложиться куда попало. А может, садиться, — как им удобнее. В Лесу все могут делать то, что природа велит, а пылинкам их природа как раз и велит мельтешить, ложиться или садиться. Волчку пылинки нравятся, они так красиво блестят в солнечном луче. К сожалению, тут мама Волчка не очень понимает...

Но на этот раз речь шла не о пыли. Сорочья почта принесла весточку, из-за которой родители разволновались.

«Было бы из-за чего, — подумал Волчок. — Дядюшка Айтварас — это дядюшка Айтварас. Всё родня, а не Бука какой-нибудь».

— Родственники есть родственники, — сказала мама, — их отталкивать нельзя. Кроме того, с дядюшкой Айтварасом мы уже с полсотни лет не виделись.

— Думаю, ты помнишь, что тогда случилось? — язвительно напомнил папа, однако мама разговор не поддержала.

— Что было, то сплыло, — сказала она, а папа радостно подхватил:

— Вот-вот, сплыло. По огненной реке.

Юла заподозрила нечто нехорошее, она всегда начинала подозревать нечто нехорошее, когда это самое подозревала мама.

А папа всё не унимался — готовил огнетушители, делал запасы воды и при этом загадочно, а может, даже и немного угрожающе что-то напевал. Кажется, какую-то древнюю военную песню.

— Думаю, нам пригодился бы ваш приятель Бука, может, пригласим его в гости? — предложил папа. — Он ведь такой мокрый... скользкий и хлюпающий.

«Странно, — удивились каучата, — неужели ему нравится Бука? Папа ведь всегда сердится, когда воду из колодца набираешь, а этот безобразник за ведро дёргает».

Дядя Айтварас прилетел, как обещал, без опоздания, каучата даже удивились дядиной точности.

Но давайте расскажем всё по порядку.

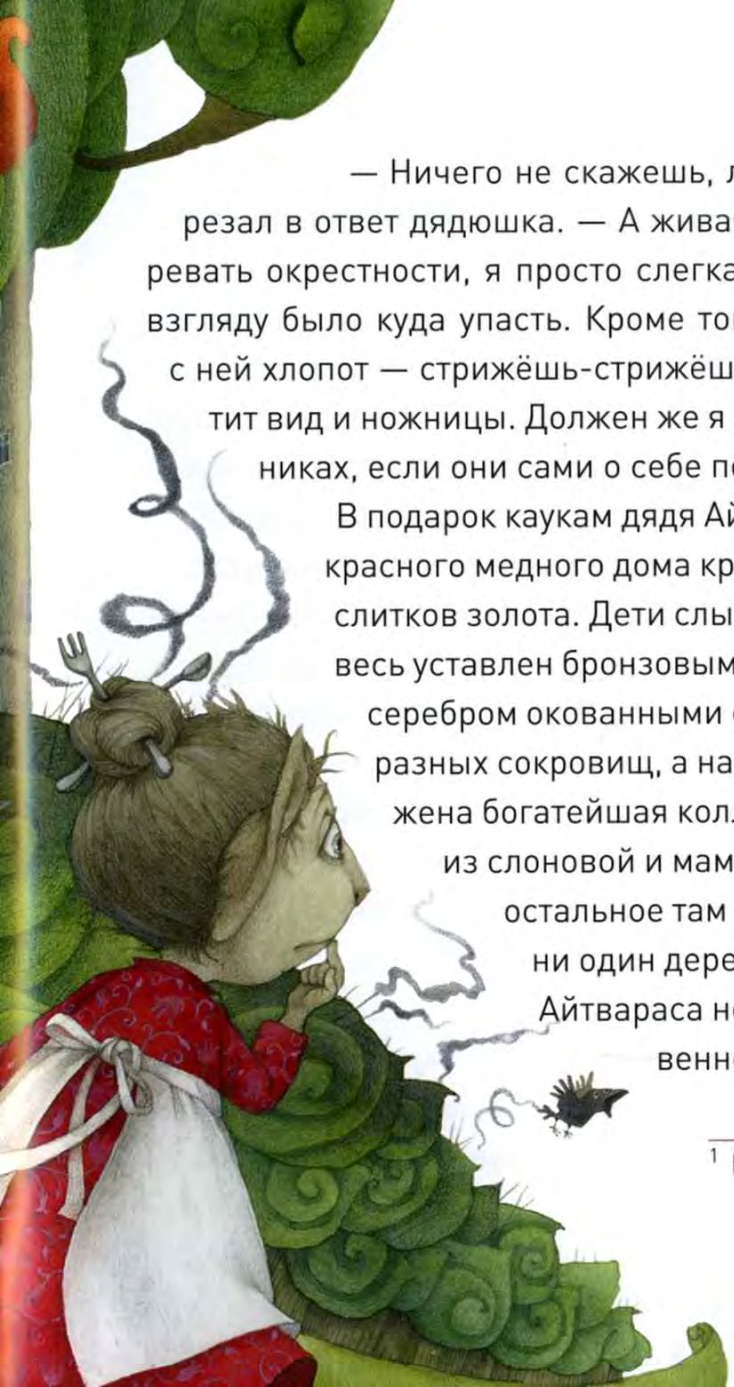
Дядя Айтварас, в отличие от других обитателей Леса, не моховой и не берестяной, не скользкий и не мокрый. Он — огненный. Ну, не совсем огненный, но когда волнуется — от его тела, напоминающего петушиное, начинают сыпаться искры. По правде сказать, он и когда не волнуется — тоже искрами сыплет. Просто так. Такой уж он есть, дядя Айтварас. Если другие лесные жители связаны с деревьями, мхами и сиренью, то дядя Айтварас — с тем, что из них высекают, с тем, что дымит и горит. Конечно, в Лесу и такие нужны, не раз говорил каучатам папа. Но, беседуя с родственничком, старался держать под рукой ведро. С водой, разумеется. Полное до краёв.

Стало быть, дядя Айтварас появился в назначенное время. Как бы невзначай дунул на живую изгородь из кустов жгучего перца, и та мгновенно вспыхнула.

— Здравствуй, дядюшка, — вежливо поздоровалась мама.

— Дядюшкины привычки, как вижу, не изменились, — не слишком приветливо проронил папа.

A young girl with brown hair tied in a bun with a fork sticking out of it. She is wearing a red dress with a white apron and is looking up at a large green tree. A small black bird is flying near the bottom of the tree.

— Ничего не скажешь, ласково встретили, — от-
резал в ответ дядюшка. — А живая изгородь мешала обоз-
ревать окрестности, я просто слегка расчистил место, чтобы
взгляду было куда упасть. Кроме того, сам подумай, сколько
с ней хлопот — стрижёшь-стрижёшь, а она всё растёт и пор-
тит вид и ножницы. Должен же я позаботиться о родствен-
никах, если они сами о себе позаботиться не способны.

В подарок каукам дядя Айтварас привёз из своего
красного медного дома кремневый колун¹ и пару
слитков золота. Дети слышали, что дядюшкин дом
весь уставлен бронзовыми вазами и старинными,
серебром окованными сундуками, полными
разных сокровищ, а на медных полках разло-
жена богатейшая коллекция чудесных трубок
из слоновой и мамонтовой кости. И всё
остальное там из металла, потому что
ни один деревянный предмет в доме
Айтвараса не задерживается — мгно-
венно вспыхивает и сгорает.

¹ Колун — разновидность топора.

Золото — приятный подарок для кауков, хотя огниво — практичнее. Из золота папа обещал отлить хорошую мыльницу, а то деревянные слишком быстро изнашиваются. Хотя родители и старались казаться спокойными, дети отлично видели, что им тревожно. Пора было пригласить Айтвараса войти в дом, но кауки всё никак не решались. У папы из головы не шло любимейшее кресло, а мама думала о своих кружевных салфетках, которые так украшают дом. Айтварас любит красивые вещи, он непременно захочет разглядеть кружева поближе, вот дунет нечаянно — и прожжёт ужасные дыры. Потом он, конечно, усядется в самое лучшее кресло — удобные вещи дядя Айтварас тоже любит, — а деревянные кресла, как известно, отлично горят...

Но дядя в дом входить не торопился, его заинтересовал амбар кауков.

— И сколько же зерна у вас в закромах? — полюбопытствовал дядя. — Могли бы гостю всё показать, заодно и угостили бы.

Айтварас уселся на лавочку и облизнулся красным языком. Папа поставил в саду деревянные кресла, лавки и столы — семья любила в хорошую погоду вечером там посидеть.

— Да-да, — поспешно отозвался папа, — запасы у нас есть, и я с удовольствием...

— Я сейчас сбегая за красивой посудой, — засуеилась мама. — И скатерть постелю.

— И огненной воды прихватить не забудь, — напомнил Айтварас. — А посуды подходящей у тебя всё равно нет, не старайся понапрасну.

Тем временем кресло под ним затлело, и он, нимало не смутившись, пересел на другое.

— Хилая у тебя мебелишка, родственничек, — заметил Айтварас. — Не то что в моей усадьбе. И не такая, как в стародавние времена делявали.

Папа притащил из амбара полмешка зерна. Айтварас искал на него глянул и, не дожидаясь, пока мама принесёт какую-нибудь посуду, высыпал зерно прямо в глотку.

— Неплохой был урожай, родственничек, — похвалил Айтварас папу. — Надеюсь, и другие закуски будут?

Тем временем мама поставила на стол графинчик рябиновки и маленькую рюмочку, однако Айтварас, глянув на них, только скривился.

— Знаю, что ты яичницу любишь, — сказала гостеприимная

мама. — Из скольких яиц? Сейчас пожарю, с травами, рутой и тимьяном, по рецепту бабушки Ракиты.

— Ну, четыре десятка в самый раз будет, — скромно подсчитал дядюшка. — Я не намерен объедать родственников.

— Боюсь, руты у меня в огороде маловато, — забеспокоилась мама, мысленно прикидывая запасы семьи.

— Сойдёт и с пионами, — уступил дядюшка. — Только тогда яичницу жарь из пяти дюжин яиц, потому что пять — моё любимое число.

Пока мама хлопотала на кухне, папа таскал из амбара мешок за мешком, а ненасытный Айтварас, широко разинув рот, сыпал туда зерно. Каждый мешок он запивал глоточком рябиновки, а когда рябиновка закончилась, дядюшка, слегка поломавшись, согласился, так уж и быть, на ореховую настойку. Потом быстро расправился с подоспевшей к тому времени яичницей и перебрался на третью лавку.

Вконец умаявшийся папа сидел, утонув в дыму, и бухтел себе под нос: «Родня есть родня, гости — это гости, вежливость — прежде всего».

— Вежливостью сыт не будешь, — отозвался дядя Айтварас. — Может, ещё чем-нибудь угостите?

Запасы кауков иссякли.

— Хотя бы на сев что-нибудь оставил, — услышали каучата полный отчаяния папин голос.

Прикончив и ореховую настойку, недовольный Айтварас громко рыгнул и попросил зажарить пару курочек — вот и костерок сам собой, непрошенный, разгорелся.

Айтварас уже пересидел на всех стульях. Сад превратился в тлеющие развалины, к небу столбами тянулся дым, а за горячей живой изгородью слышались взволнованные голоса — бездуки с барздуками, решив, что у кауков дом загорелся, поспешили на помощь.

— Пожар! — завопил Бука, высунувшись из колодца. — Всем конец пришёл!

— Быстро ты в панику впадаешь, — долетел из пламени и облаков дыма довольный голос дядюшки Айтвараса. — Я думал, у Буки характер потвёрже. Ну, а теперь набыю себе трубочку... Покурю чуток, по дыму соскучился.

Лесовики, не слушая его, похватали вёдра и наперегонки рванули к колодцу. Даже Бука к ним присоединился. Полные вёдра передавали по цепочке туда, где клубились огонь и дым. Залитый водой огонь злобно шипел,

но ещё более злобным эхом отозвался голос дядюшки Айтвараса:

— Смотрите, что делаете, ещё невзначай на меня брызнете, и что тогда будет?

Но перепуганные лесовики таскали вёдра с водой до тех пор, пока огонь не превратился в чёрный дым и с шипением не погас. Стоял ужасный запах гари.

— Так-то вы гостей принимаете? — закричал перемазанный и разгневанный дядюшка Айтварас. — Забыли лесные обычаи гостеприимства?

И тут один усердный малыш-барздучонок выплеснул на него полное ведро воды.

— Остынь немного, дядя, — посоветовал он.

Айтварас злобно зашипел, крутанулся на одной ноге и внезапно у всех на глазах обернулся длинным огненным ужом, свился в кольцо,

потом распрямился и молнией стрельнул в небо. И уже из-за облаков донёлся голос:

— Таких негостеприимных родственников никогда больше навещать не стану...

Потом, видимо одумавшись, дядя прибавил:

— Самое меньшее — через пятьдесят лет, попомните моё слово!

Кауки вздохнули с облегчением, подумав, что есть на свете справедливость. Да, полсотни лет быстро пролетят, но родственный долг исполнен. Они так тепло, так радушно гостя принимали, что даже дым повалил.

А столы и лавки папа новые сделает, ещё лучше прежних. Только ночевать из-за нестерпимого запаха гари пришлось под Кауковым дубом. Но свежий воздух всегда на пользу. И ничего, что ночью немного с неба покапало.

КАУЧАТА НА КАНИКУЛАХ

В один прекрасный день каучата валялись под своим дубом и мечтали, глядя на ползущие по небу облака. Приятно иногда помечтать, ведь мечты часто сбываются. Или не сбываются. Но что намечтаешь — то твоё. А сколько всего можно намечтать!..

Волчку хотелось три дня рождения в год, а Юла мечтала о четырёх — весной, летом, осенью и зимой. Брат ей даже позавидовал — здорово размахнулась. В самом деле, четыре дня рождения куда лучше, чем три.

Что такое каникулы?

Размечтавшись, дети захотели ещё и того, чего у них никогда не было. Вот хотя бы каникулы, которые, как они слышали, обычно бывают летом. Сейчас как раз лето, а они вместо каникул лежат здесь, маются, даже спины разболелись.

Правда, как надо проводить каникулы, дети не знали.

— Ничего страшного, — успокоила брата Юла, — мы непременно что-нибудь придумаем.

— Может, на каникулах надо делать то, чего никогда не делаешь? — предположил Волчок.

— Тогда тебе придётся дрова колоть, — усмехнулась сестра. — Ведь папа никогда тебя не зовёт колоть дрова.

— Разве кто-нибудь колет дрова на каникулах? — засомневался Волчок.

— Кажется, на каникулах надо путешествовать. Уезжать куда-нибудь подальше. Или не очень далеко. Только эти путешествия страшно утомительные, по крайней мере так рассказывают, — припомнила Юла.

Решив, что тоже заслужили каникулы, дети отправились на кухню к маме. Она хлопотала у большой печи, в которой можно было испечь огромный каравай хлеба. И пироги, конечно, тоже можно было печь, но мама, к величайшему огорчению детей, пекла их очень редко. Как же они обрадовались, увидев, что она вынимает из духовки громадный жёлтый дымящийся медовый с орехами пирог! А другой, вкусно пахнущий малиной, уже остывал на столе. И как это они прозевали?

— Мам, какой сегодня праздник? — спросил Волчок. — День пирога? А ещё мы хотим сказать, что нам пора устроить каникулы. Пирог у тебя не по случаю каникул?

— Можно считать и так, — весело ответила мама. — Это гостинец для деда Пушкайтиса, сегодня у него день рождения.

— Да ведь никто не знает, когда он родился, — возразили дети.

— Он родился в тот день, когда появился и сам Лес. А поскольку Лес каждый день новый, так и день рождения дедушка может праздновать каждый день.

— Ого! — в один голос удивились каучата. — Про такое мы даже и не мечтали. Каждый день по дню рождения — вот это да! Это дело серьёзное. Только дедушке Пушкайтису за столько лет дни рождения могли и надоесть.

— Может, потому он такой ворчун? — спросила Юла.

— Кто знает... — задумалась мама. — Но старики — они такие, и мы должны с этим примириться. Стало быть, я испекла пирог дедушке Пушкайтису ко дню рождения, хочу, чтобы вы ему отнесли.

— Но тут два пирога, — облизнулся Волчок.

— Верно. Но я ведь вас знаю — если дать вам только один пирог, вы его понесёте дедушке в подарок, а по дороге сами весь и слопаете. А если их будет два, второй, надеюсь, успеете донести в целости. Если быстро доберётесь. Вот и будут у вас каникулы. Отнесёте пирог, а потом можете погостить у дедушки. Все внуки так отдыхают на каникулах.

Не очень-то каучата обрадовались, услышав, что проведут каникулы у Пушкайтиса под бузиной, — характер у дедушки был не из самых приятных. А пирог ему дарить можно только из вежливости, бабушка-то с утра до ночи варит-парит, грибы-ягоды собирает, да у неё столько всего, что сама детям и внукам раздаёт, и даже самой дальней родне перепадает.

Папа дал детям на дорогу копчёной колбасы, чтобы было чем перекусить, и берёзового сока на случай, если пить захочется. Дал не слишком много и не слишком мало, ровно столько, чтобы и нести было не тяжело, и Пушкайтис бы не подумал, будто кауки скупые.

Каучатам покоя не дают пироги

Каучата получили по корзинке и по рюкзачку и, весело помахав родителям, ступили на широкую лесную тропу. Подойдя к ручью, они уселись на красивый камень и задумались.

— Слушай, Волчок, мама ведь не сказала нам... — проговорила Юла.

— ...какой пирог мы можем сами съесть, а какой надо отнести в подарок дедушке!

Вот в чём вопрос. Дети понятия не имели о том, какие пироги любит дедушка: ему всегда хотелось или шишку погрызть, или бересты пожевать, а то и моховой настойкой побаловаться, про пироги он и не упоминал. В суматохе этот вопрос у всех из головы вылетел. А может, мама подумала, что оба пирога вкусные и дети сами выберут?

Каучата решили съесть только половину медового пирога, чтобы не слишком набивать животики. Пирог и правда оказался вкусный. Теперь можно было со спокойной совестью и притихшим желудком двигаться дальше. По дороге Волчок сообразил, что они тоже идут к бабушке с вкусными гостинцами — совсем как Красная Шапочка в той сказке. Но Юла

заметила, что Красная Шапочка шла одна, а их двое, кроме того, радоваться нечему — у Красной Шапочки с её гостинцами всё вышло не так уж хорошо. Волчку пришлось согласиться с сестрой.

— И ведь, если нас двое, нам могут встретиться на пути два волка!

— Ну да, так и нас двое. Двое против двоих.

Тут Юле стало тревожно, и она огляделась — а вдруг и в самом деле волк где-нибудь поблизости?

Внезапно дети почувствовали, что и сами проголодались не хуже волков, и присели на травку, чтобы немного закусить. Медовый пирог оказался до того вкусный — язык проглотишь! Теперь каучатам захотелось попробовать и малиновый. Разве можно нести его дедушке, не проверив, вкусный он или нет. Кусочек за кусочком — и половины малинового как не бывало. Пожалуй, и этот хорош. Словом, оба пирога удались на славу, и дети, идя через лес, то и дело по крошке отщипывали, друг от дружки таясь, — чтобы другой тоже не начал откусывать и Пушкайтису осталось хотя бы попробовать. А как дойдут — скажут, что мама послала деду кусок вкусного пирога, который они добросовестно и доставили.

Кого только в Лесу не встретишь!

Дети шли лесной тропинкой и боязливо озирались — а вдруг кто-нибудь страшный появится? Путь неблизкий, мало ли кто на нём подстерегать может. Только подумали — и вдруг у них прямо перед носом оказалась неизвестно откуда выскочившая Красная Шапочка с корзинкой гостинцев в руке. Каучата вытаращили глаза, но девочка только вежливо поздоровалась и, перейдя тропинку, снова исчезла в чаще.

— Вот это да, — сказал Волчок, — кого только в Лесу не встретишь...

— А может, ничего тут странного и нет, — притворяясь спокойной, прошептала Юла. — Может, она просто идёт навесит бабушку.

— Но если Красная Шапочка дорогу перебежала, может, это плохой знак...

— Красная Шапочка — не чёрная кошка. Кроме того, кауки в приметы не верят.

— Ну да. Но кауки верят знакам.

Дети медленно двинулись дальше узкой и всё сужающейся тропинкой. Поджилки у них немножко тряслись. Они

добрались только до середины пути и теперь шли самым глухим местом Леса. Ветки с обеих сторон хватали их за ушки и лапки, за шёрстку цеплялся чертополох, а в корзины сыпались иглы и листья. Разные мошки так и облепили гостинцы — искали, не найдётся ли чем закусить, — но на них каучата внимания не обращали.

Внезапно тропинка вывела их на небольшую полянку — и прямо перед ними оказался огромный волк.

— Добрый день, — вежливо поздоровался волк, глядя на них умными жёлтыми глазами. — Не встречали ли вы, гуляя в этих прелестных местах, маленькой хорошенькой и вкусной девочки с гостинцами? Она должна была надеть красную шапочку — это её опознавательный знак, — прибавил он. — Условный.

— Н-н-е-ет, — с трудом выговорили перепуганные дети, и волк, вежливо попрощавшись, следом за Красной Шапочкой скрылся в Лесу.

Остолбеневшие каучата молча смотрели, как сомкнулась листва за спиной у исполинского волка.

— Станный какой-то волк, — брат первым стряхнул с себя чары. — Обычные волки так не разговаривают.

A large, stylized tree with a thick brown trunk and green, swirling foliage. Inside the trunk, there is a small house with several windows, some of which are lit with yellow light. A small figure of a person is visible in one of the windows. The tree is positioned on the left side of the page.

— А может, он взбесился? — эта мысль мелькнула у сестры. — Больно уж умный.

Дети побрели дальше. Вдруг послышался шум — он доносился с той стороны, откуда появились и девочка, и волк. Казалось, шумит целая толпа — кто-то между деревьями ревел, орал, лаяли собаки. Тут же из чащи показались охотники, и впрямь целая толпа, с мушкетерами, пороховницами, в пёстрой одежде и широкополых шляпах. Впереди, пригнувшись, бежали гончие.

— Не видали Красную Шапочку или хотя бы серого волка? — спросили охотники и, не дожидаясь ответа, заспешили дальше.

— Почему они так странно себя ведут? — задумались дети. — Что-то здесь не так, ой, не так. И чем же всё это закончится? Как бы нам нечаянно

в сказку не попасть. В Лесу, конечно, всякое случается, но что-бы такое...

И, уже совсем перестав что-нибудь понимать, они неожиданно вышли на небольшую просеку. Там стояла высокая кровать с пуховыми перинами, а среди этих перин лежала махонькая сморщенная старушка.

— Не обращайтесь на меня внимания, — сказала она каучатам, — так надо.

— Может, вам, бабушка, помочь чем-нибудь, может, вы болеете?

— Конечно, болею, — ответила бабушка, — но сейчас придёт Красная Шапочка, принесёт мне булочек и красносмородинного сока, я сразу выздоровею и поднимусь с одра болезни. А вы идите, идите себе.

— Но вас ищут и Красная Шапочка, и волк, и охотники... Может, вас спрятать?

— Где же я спрячусь лучше, чем в чаще Леса? — покачала головой старушка.

Потом пожаловалась, что носятся все по Лесу как угорелые, нет бы делом заняться, и быстренько зажмурилась, словно хотела показать каучатам, что они здесь гости нежеланные

и могут топтать себе дальше, но, словно что-то припомнив, снова открыла глаза.

— Вы, дети, наверное, устали, долго шли, а примерно в миле отсюда стоит уютная избушка. Вы могли бы там остановиться, отдохнуть.

— Это ваша избушка? Может, вас туда доставить?

— Избушка не моя, — обиделась та. — Я ведь лесная бабушка. Моя кровать стоит там, где должна стоять. Ну, идите, идите, не мешайте, — и старушка, повернувшись к ним спиной, мгновенно уснула.

А Волчок и Юла зашагали дальше и вскоре подошли к избушке. Ведьминой?! Ну конечно. Это была ведьмина избушка. Выглядела она вроде бы и красиво, дети поначалу даже обрадовались. Домик был весь выложен конфетами, плитками белого, чёрного и даже зелёного шоколада, и всевозможными печеньями, обсыпанными сахарной пудрой или украшенными марципанами. Вот так и должна выглядеть правильная избушка, выстроенная детям на радость. Внутри кто-то крутил шарманку, а вдоль окон стояли и лежали куклы, солдатики и всякие плюшевые звери — от самого маленького до самого большого косолапого мишки...

Но, приглядевшись получше, каучата оцепенели от ужаса: среди марципанов и райских яблочек виднелись черепа, кости и косточки, берцовые и бедренные, рёбра и позвонки... А в одном месте стоял навытяжку даже целый засахаренный скелет!

Дети замерли с разинутыми ртами, не в силах ни закричать, ни убежать. Так и стояли с колотящимися сердечками и ждали, что будет.

В гостях у ведьмы

Дверь со скрипом отворилась, и на крыльцо, растопырив руки и оскалившись до ушей, выскочила ведьма. Её седые волосы зловеще извивались на ветру, зубы были хоть и гнилые, но острые, а глаза радостно сверкали. Ведьма выглядела ужасно, но всё-таки её никак нельзя было назвать старой развалиной — так, весёлая тётка средних лет.

— Здорово, ребятки-каучатки, знали бы вы только, как я вас ждала! — затараторила она. — До чего же приятно, что вы ко мне завернули! Ведь детишки, да ещё каучьи, — самые для меня лакомые, то есть что это я, самые мои любимые, самые

долгожданные! — и ведьма кинулась их целовать, как самых дорогих гостей.

Ужас ещё не отпустил каучат, однако напавший на них столбняк уже прошёл, и они хотя бы говорить могли, правда, зубами постукивали, не без того.

— Эт-т-то что? — Волчок дрожащей лапкой показал на кости, которыми была украшена избушка.

— А, вы про мою рекламу? Неужели не нравится? Разве не аппетитно выглядит?

— Печенье и конфеты — аппетитно, а черепа и кости-то зачем? — еле выдавила из себя Юла.

— А-а, вас кости смутили? Не так всё просто в Лесу, ведьмам тоже изворачиваться приходится. Помадки, шоколадки, леденцы, черепа — в самом деле не знаю, что лучше. Ведь иной раз и людоед какой-нибудь забредёт. Никогда заранее не угадаешь, кто к тебе зайдёт, вот и крутись, как знаешь.

— Так вы съесть нас хотите? Заманить конфетами, а потом зажарить себе на ужин?

— Ну, мне и вправду этого хотелось бы, — призналась ведьма, поглядывая на кругленьких упитанных каучат и облизываясь, но потом игриво подмигнула: — Только что после

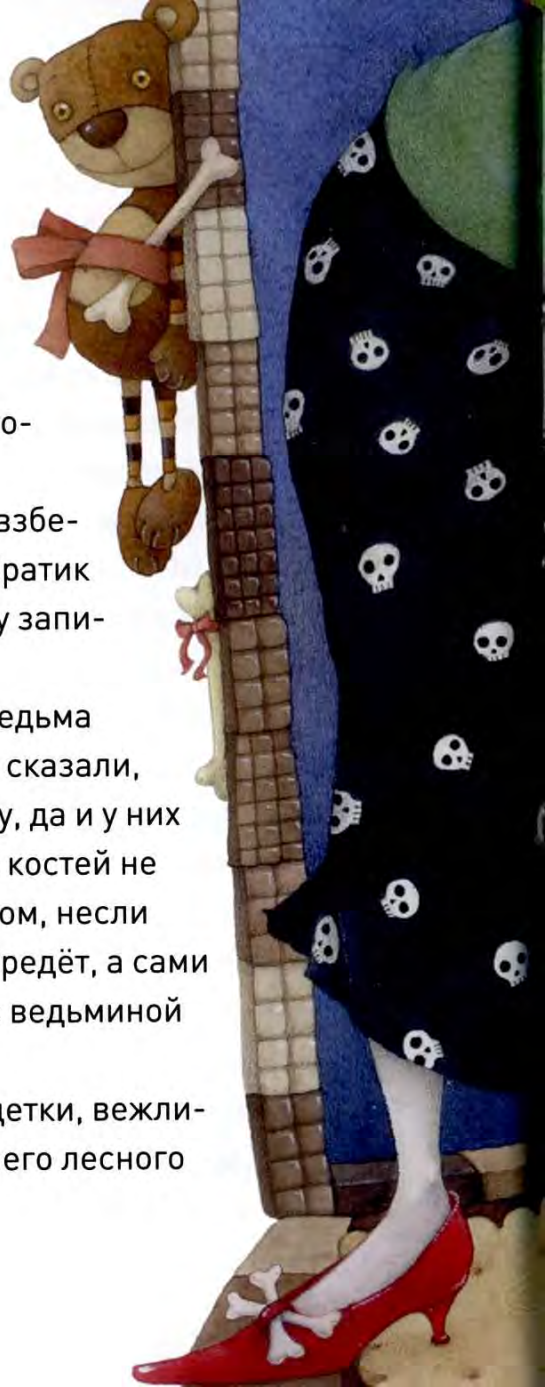
этого со мной сделали бы кауки...
Да ведь и Пушкайтис — мой старый
знакомый.

Детям немного полегчало, хотя
и теперь ужас не совсем их отпустил.
А ведьма внезапно призадумалась и го-
рестно пожаловалась:

— Дети в последнее время совсем взбе-
сились. Только зайдут какие-нибудь братик
с сестричкой — и сразу меня в духовку запи-
хивают... Надоело!

Поглядев на растерянных каучат, ведьма
принялась зазывать их в дом, но дети сказали,
что не хотят утруждать госпожу ведьму, да и у них
самих дел полно, а кроме того, они ни костей не
грызут, ни человечины не едят... словом, несли
всякую чушь, первое, что в голову взбредёт, а сами
только и мечтали поскорее убраться с ведьминой
поляны.

— Ведь вы, каучата, воспитанные детки, вежли-
вые, достойные представители древнего лесного

рода, и происхождения не менее знатного, чем сами ведьмы, хотя, конечно, другого. Так что вы окажете честь мне и моим гостям, если согласитесь с нами пообедать. А вам будет потом что рассказать своим детям и внукам.

— Людоедский пир — это, конечно, интересно, — стал выкручиваться Волчок, — а только я не уверен, что не упаду в обморок и не испорчу всем аппетит...

— Что вы, что вы, — щебетала ведьма. — Если уж я приглашаю, так знаю, куда. Я уверена, что этот торжественный обед оставит у вас самые приятные воспоминания.

Ведьма так заманивала и одновременно так заталкивала их в дом, что в конце концов каучата, взявшись за лапки и приготовившись тотчас выскочить обратно, вошли в дверь. А за дверью оказалась... избушка как избушка! Чистая, светлая, длинный стол так и ломится от неописуемо вкусной еды, но вот гости!

Прежде всего, там была Красная Шапочка, которая первой церемонно поклонилась гостям, потом охотники, бабушка Красной Шапочки, рядом с ней — Золушка с принцем, за ними — Винни Пух, и ещё Алиса, Белоснежка и семь гномов, Снежная Королева с холодным, прямо-таки ледяным лицом,

Мэри Поппинс и много-много других... И все они, вскочив из-за стола, стали жать каучатам лапки, гладить их по щекам, похлопывать по плечам и здороваться, стараясь сесть к ним как можно ближе и как можно скорее и теснее познакомиться, выговориться, излить душу.

Охотники выстроились в ряд, достали откуда-то трубу, барабан, несколько скрипачек и валторну — и грянули такой марш, что ноги сами собой задёргались. Юле захотелось немедленно пуститься в пляс, но Мэри Поппинс ей подмигнула, намекая, что первым делом надо досыта поесть, и собственноручно положила в её тарелку целую гору всякой вкуснотищи.

— Я думала, что кауков на самом деле не существует, — холодно проронила Снежная Королева, у которой характер всегда был омерзительный и со временем лучше не сделался.

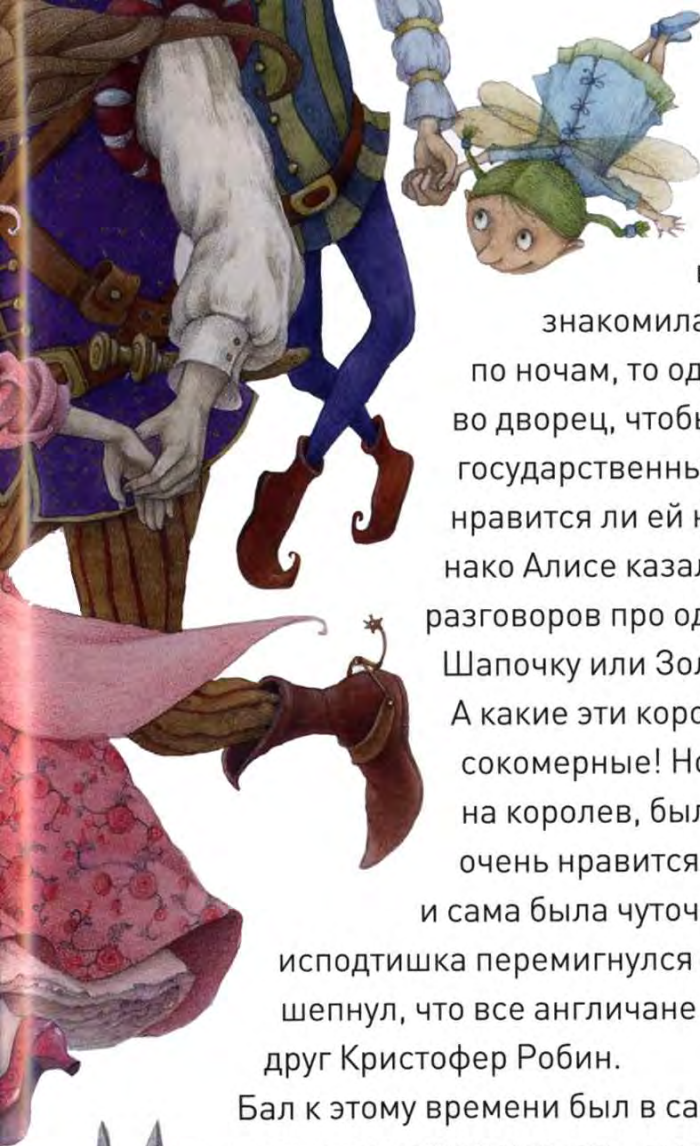
Зато Красная Шапочка так обрадовалась каучатам, что у них мелькнуло подозрение: уж не для того ли она вообще сюда явилась, чтобы поглядеть на настоящих живых кауков? Она изо всех сил старалась подружиться с Волчком и Юлой, тут же стала им рассказывать о том, как страшно было у волка в животе — темным-темно, хоть глаз выколи, и о том, что её бабушка для здоровья выпивает каждый день по две бутылки

сока из красной смородины и потому дожила до ста лет, а если бы тайком не ходила за гумно выкурить сигару, у бабушки и кожа на лице была бы не такая обветренная, ведь за гумном так дует... Кроме того, вся эта история с бабушкиной болезнью сильно преувеличена, на самом деле старушка просто-напросто прикончила свои запасы сока и булочек, и Красная Шапочка должна была спешно их пополнить. Но всё вышло к лучшему, хотя сама она, Красная Шапочка, считает, что в её жизни было много приключений куда более удивительных, чем то, о котором все только и говорят. Словом, Красная Шапочка оказалась очень милой девочкой, но настоящей трещоткой, все уши Волчку прожужжала, да ещё и жаловаться принялась на то, что приходится всё время ходить в этой красной шапочке, иначе её перестали бы узнавать и она сделалась бы самой обыкновенной девочкой. Волчок, кивнув, попытался вступить в общий разговор и влиться в шум застолья, но тут снова заиграл охотничий оркестр. Золушка, у которой на ногах туфельки были вовсе не хрустальные, пошла плясать. Волчок издали к ней приглядывался, ждал, не начнёт ли с неё случайно сыпаться зола, но зола так и не посыпалась. Золушка прыгала, радостно визжала, то и дело посылала каучатам

воздушные поцелуи — и при этом глаз не сводила со своего принца. Бабушка Красной Шапочки болтала со Снежной Королевой. Уписывая заварные пирожные, они рассуждали о том, какие расчудесные были раньше джентльмены, обычаи и погода. Снежная Королева жаловалась на всемирное потепление и говорила, что в Антарктиде у неё часто начинает течь из носа, чего раньше не бывало, а бабушка поддакивала и причитала, что смородина в этом году по сравнению с прежними временами, можно считать, совсем не уродилась, а теперешний сок годится разве на то, чтобы подливки готовить, а не благородным пожилым дамам пить. Снежная Королева пригласила бабушку погостить в своей усадьбе: там она сможет полакомиться прекрасно замороженным мороженым самого разнообразного вкуса.

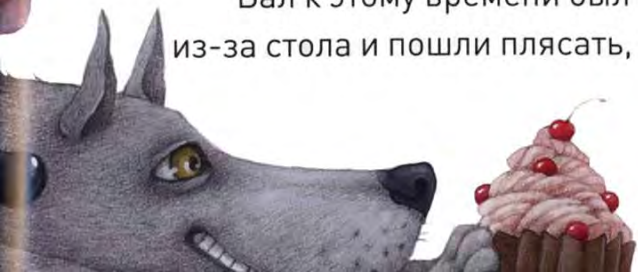
Волчок подсел к Винни Пуху и Алисе, и они втроём сыграли партию в шахматы на треугольной доске. Потом поговорили о прочитанных книгах, об их авторах и о том, как сделать, чтобы не жульничать, когда сам с собой играешь в шахматы. Сошлись на том, что лучше всего притвориться, будто вовсе не жульничаешь, а потом потихоньку взять да и смухлевать в самый решающий момент. Алиса пожаловалась на плохой

характер королей, и не только шахматных, — она ведь с ними со всеми пере-знакомилась, её то и дело, нередко по ночам, то одна, то другая приглашала во дворец, чтобы пошептаться, поделиться государственными тайнами и спросить, нравится ли ей новое платье королевы. Однако Алисе казалось, что лучше бы они для разговоров про одёжки приглашали Красную Шапочку или Золушку, ей это неинтересно. А какие эти королевы спесивые, какие высокомерные! Но, хоть и жаловалась Алиса на королей, было совершенно ясно, что ей очень нравится среди них вертеться. Алиса и сама была чуточку высокомерная. Волчок исподтишка перемигнулся с Винни Пухом, и тот ему шепнул, что все англичане немного спесивы, даже его друг Кристофер Робин.

Бал к этому времени был в самом разгаре, гости встали из-за стола и пошли плясать, семь гномов путались под

ногами и всем мешали, и только Белоснежка в уголке всё ещё притопывала ногами вместе с Мэри Поппинс, которая последней присоединилась к веселью. Ой, нет, не последней — бабушка Красной Шапочки со Снежной Королевой продолжали уплетать пирожные, обсуждать танцующие пары и причитать, что никто теперь не умеет веселиться так, как в старину, и танцы-то теперь какие, подумать только, ни на что не похожи! Ах, что за времена настали, что теперь за обычаи...

Волчок с Юлой танцевали то с одними, то с другими, кружились в хороводе, отплясывали польки, и кадрили, и ещё не пойми какие танцы дровосеков, перед глазами у них мелькали лица, улыбки, кругом стояли шум и смех, и они неслись всё дальше... дальше, всё выше... выше...

И вдруг всё исчезло, растаяло, словно утренний туман...

Странное утро. Гостинцам не поздоровилось

Дети очнулись под дубом — они сидели, привалившись спинами к его шершавой коре. Скорее всего, было раннее утро, потому что по Лесу ещё плавал туман. Рюкзачки и кор-

зинки лежали рядом. В ушах звенела нестерпимая тишина. Каучата вычесали застрявшие в шёрстке крошки от пирожных и обнюхали друг друга — шёрстка пахла влажным утренним воздухом, но отдавала и печным дымом... Или это им только чудилось?

Спотыкаясь, на ещё нетвёрдых ногах Волчок и Юла поплелись к ручью умываться, так ничего друг дружке и не сказав. А что говорить, когда у обоих на языке вертелся один и тот же вопрос: на самом деле всё это было или приснилось?

Ведь сны бывают всякие, даже очень правдоподобные, а крошки, которые они вытряхнули из шёрстки, — никакое не доказательство, они же слопали и свои... ой, нет, Пушкайтисовы пироги!

Каучатам часто одновременно приходила в голову одна и та же мысль, вот и теперь они разом припомнили, как вместе пробовали дедушкины гостинцы. И кто бы им объяснил, куда эти гостинцы потом запропалились? Может, ведьмины чары подействовали? Может, она их заколдовала?

— Не надо было с этой ведьмой связываться, — проговорил Волчок, которому слегка поднадоело молчать.

— Не надо было? Неужели тебе не понравилось? Неужели

скажешь, что тебе не понравились Мэри Поппинс, и Алиса, и Красная Шапочка, и все остальные?

— Ну, допустим, Снежная Королева — не очень-то... И в каучат она не верит...

— Хватит болтать, — рассердилась Юла. — Всё было по-настоящему. А нравится тебе это или не нравится — совершенно не важно.

Волчку пришлось согласиться с сестрой. Ведь и в самом деле — что было, то было, и не над чем тут голову ломать. Нет, потом он ещё долго будет над этим раздумывать, но сейчас надо заняться более важными делами.

Умывшись и приведя себя в порядок, дети полезли проверять, как там гостинцы. В одном рюкзачке оказались крошки да кусочки, в другом — кусочки да крошки. Может, ссыпать их все вместе? Тогда получится целая корзинка кусочков и крошек, и даже полная до краёв. Дедушка Пушкайтис, наверное, останется доволен, получив в подарок сразу два пирога, пусть и вперемешку. Каучата толком не знали, как поступают в таких случаях, и в конце концов решили оставить всё как есть. Тем более что они сберегли запечатанную сургучом бутылку берёзового сока в берестяной оплётке и ровно полкруга колбасы.

Почему от колбасы осталась половина — дети не понимали: как ели пироги — помнили, а вот когда могла быть съедена колбаса?..

— Может, ведьма откусила? — предположил Волчок. — А почему тогда всю не съела, вкусная же колбаса?

Волчок откусил немножко — попробовать, правда ли колбаса вкусная, и решил, что неплохая. Можно нести дедушке. Но в следующее мгновение Волчок заметил, что колбасы у него в лапке уже нет. Ничего себе! Оставалось утешаться тем, что всякое в жизни случается.

Пушкайтис глазеет по сторонам, у каучат каникулы

Дети собрались двигаться дальше, зная, что, сколько бы тропинкам ни виться, они всё равно приведут к Пушкайтису. Так и случилось: ещё каких-то десять шагов — и вот уже за поворотом виднеется Пушкайтисово жилище, до дедушкиной бузины рукой подать. Хорошо, что больше никуда идти не надо! Но каучата не спешили, медленно-медленно они поплелись к огромному кусту, из которого потихоньку, с трудом выбрался

дедушка Пушкайтис, — ведь Волчок и Юла даже не успели придумать, как им оправдываться за съеденные гостинцы.

Но дедушка был в хорошем настроении и заговорил первым.

— Здравствуйте-здравствуйте, внучата, рад видеть, что дедушку не забываете, а то мы с бабушкой совсем уже мхом заросли, по сторонам глазеть — и то лень, — пожаловался Пушкайтис. — Ждал вас, даже не вздремнул, потому что хотел сам встретить и убедиться, что хорошо проводите каникулы...

— Здравствуй, дедушка, — поздоровались дети, протянув ему обе корзинки. — Немножко поломались наши... твои пироги...

— Ничего-ничего. Пироги и раскрошившиеся вкусные, — успокоил детей Пушкайтис, улыбаясь одними глазами, потому что его лицо почти сплошь скрывала пышно разросшаяся борода с запутавшимися в ней вьюнками и мхом.

Каучатам сразу полегчало, и они протянули дедушке бутылку сока в берестяной оплётке.

— Мы ещё колбасу принесли, — сказала Юла и повернулась к брату. Девочка ведь не видела, как он её проверял...

— Да, — подтвердил тот, — мы несли колбасу, и она... она... вкусная была! — потупился Волчок.

— Ну и хорошо, если вкусная, я на самом деле рад, что ты проверил, вкусная ли колбаса. Это ведь очень важно, кто же несёт в подарок невкусную колбасу?

— Только не кауки! — мгновенно раздулся от гордости Волчок.

— Я и говорю, — пробормотал Пушкайтис и, внезапно подумав о чём-то другом, проворчал: — Ох, трудненько будет ведьме прибрать свою лачугу...

— Что-что? — переспросили каучата.

— Ведьме, говорю, изрядно потрудиться придётся, прежде чем она снова сможет колдовать в своей избушке. Но чего ради внуков не сделаешь... — пробормотал себе под нос дедушка. — Надо будет её какому-нибудь новому колдовству научить...

Пушкайтис снова погрузился в свои мысли, слился с бузиной и сделался недосягаемым. И тут с соседней земляничной поляны прибежала бабушка Ракита с полным лукошком ягод и, наскоро расцеловав детей, захлопотала у плиты, кинулась готовить угощение — такая уж она неугомонная. Каучата

опять ели-пили, уплетали за обе щеки, но уже не спеша, с расстановкой, успевая рассказывать, что новенького в семействе кауков, здорова ли родня и хорош ли урожай. Постепенно за разговорами выяснилось, что же такое с ними приключилось по дороге. Оказывается, дедушка, получив с Сорочьей почтой весточку о том, что к нему собираются внуки, сильно озаботился. У него у самого хлопот полон рот, а каучат развлекать надо, вот он и попросил ведьму что-нибудь придумать. «Ведь на каникулах детям должно быть весело, а что я, старый пень, могу им предложить?» — сказал он, пригласив к бузине ту ведьму, с которой лучше всего был знаком и доверял ей.

— Ну, и как вам понравилось? — спросила Ракита. — Ведьма-то, небось, вовсю расстаралась, раз Пушкайтис её попросил. — И, хитро сощурившись, прибавила: — Будет о чём детям рассказывать?

Брат с сестрой переглянулись и ответили:

— Нет, всё равно не поверят.

— Почему? — удивилась бабушка.

— Знаем мы, какие они, эти дети, — объяснили каучата и умолкли.

И тут Юла не выдержала:

— Но что же там на самом деле было? Только видения, ведьмой насланные, или мы взаправду встречались со всеми этими сказочными героями?

— Скажи, бабушка, — взмолился и Волчок.

Ракита задумалась. Хотелось ей сказать, что никто не может проверить не только сны, но и действительность, но не могла решиться. Может, приоткрыть внукам только одну сторону правды?.. Так она и сделала.

— Все мы, и Лес, и ведьмы, и кауки, от Пушкайтиса произошли, и если ведьма наколдовала пир — так и пир тоже от Пушкайтиса. И все её гости.

— Очень уж мудрено, я ничего не понял, — вконец запутался Волчок.

— А я поняла, — поглядев на бабушку, сказала Юла. И по её глазам было видно, что и в самом деле поняла.

Волчок хотел ещё порасспрашивать, что да как, но тут вдруг почувствовал, что и не хочет знать правду. «Сбегаю лучше яблок наберу», — сказал он сам себе и умчался.

Остаток лета каучата провели с бабушкой без всяких особенных приключений. Но приключений им уже и не хотелось. Каникулы удались.

СОДЕРЖАНИЕ

КАУЧАТА И БУКА	5
Каучата ленятся	5
Чудище-страшилище	11
Бука пугает Лес	15
ПОДАРОК НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	23
АЙТВАРАС ПРИЛЕТЕЛ ПОГОСТИТЬ	33
КАУЧАТА НА КАНИКУЛАХ	45
Что такое каникулы	45
Каучатам покоя не дают пироги	50
Кого только в Лесу не встретишь!	52
В гостях у ведьмы	58
Странное утро. Гостинцам не поздоровилось	68
Пушкайтис глазееет по сторонам, у каучат каникулы	71

УДК 821.172-053.2
ББК 84(4Лит)
Б48

Для младшего школьного возраста

Гинтарас Береснявичюс
СЕМЕЙСТВО КАУКОВ
Иллюстрации Лины Дудайте

Перевод Александры Васильковой
Редактор серии Ксения Коваленко
Корректор Ольга Семченко
Оригинал-макет Алины Клеймёновой
Директор производства Акмаль Ахмедов
Издатель Галина Зинькович

ООО «МД Медиа»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 18
Тел.: +7 495 789 82 31
Наш адрес в Интернете
<http://www.md-media.ru>

Дорогие дети и взрослые!
Присылайте свои отзывы о книге по адресу
kids@dombooks.ru

Подписано к печати 08.10.2010
Формат 84х100/16
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,8
Тираж 5000 экз. Заказ № 3268.

ISBN 978-5-9993-0049-2

- © Gintaras Beresnevicius, text, 2005
- © Lina Dūdaite, illustrations, 2009
- First published by Publishing House
«Nieko Rimto» (Vilnius, Lithuania)
- © Александра Василькова, перевод, 2010
- © ООО «МД Медиа», издание
на русском языке, 2011

Отпечатано в соответствии
с предоставленными
материалами в ЗАО
«ИПК Парето-Принт»,
г. Тверь, www.pareto-print.ru

«Семейство кауков» — вторая книга из серии про приключения Волчка и Юлы. Вместе с каучатами вы узнаете, почему детям не надо приближаться к колодцу, почему родственника кауков Айтвараса небезопасно сажать на деревянную мебель, а главное — как вышло, что у ведьмы собрались Алиса, Винни Пух, Снежная Королева и другие сказочные герои.

Гинтарас Береснявичюс был не только писателем, но и известным учёным. Он занимался балтийской мифологией и написал много серьёзных книг. Сначала он рассказывал эти сказки своим дочкам, а теперь и другие дети подружились с Волчком, Юлой и прочими обитателями Леса.

МИР ДЕТСКОГО МЕДИА

www.md-media.ru

9 785999 300492

